

ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА АНДРЕЕВА

доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии, Костромской государственной университет (Кострома, Российская Федерация)
lanfra87@mail.ru

ЛИЧНЫЕ ИНТЕРЕСЫ ГЕРОЕВ И МОТИВ ОЖИДАНИЯ В РОМАНЕ-ЭПОПЕЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»

Автор обращается к проблеме сочетания личного и общего в романе-эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир», а также прослеживает, каким образом в произведении интересы личности сочетаются с общественной жизнью. Доказывается, что внешнее противопоставление знаменитостей обыкновенным людям углубляется размышлениями о христианском поведении человека, его роли и месте в соборном единстве. Художественный мир Толстого благодаря несосредоточенности и несобранности действия наполнен той двойственностью и тем многообразием, которые есть в реальной жизни. Автор убежден, что удивительную меру между активностью и пассивностью человека писатель реализует в романе-эпопее в том числе с помощью мотива ожидания, который организует развитие сюжета, обладает большой смысловой нагрузкой, способствует формированию эпического времени и его течению. В «Войне и мире» поднимается важнейшая проблема личной заинтересованности человека в совершении того или иного события, волевого действия и роли личности в истории. С удивительным мастерством Толстой нивелирует значение личного интереса личности, когда дело идет о народе, о глобальном выборе, и актуализирует сознательный выбор героев, когда речь заходит о конкретном пути персонажа. Лучшие герои Толстого не способны к покорности и самоотвержению, и даже те, кто волею судьбы вынужден забывать о себе, выглядят «живущими поневоле».

Ключевые слова: Толстой, роман-эпопея, мотив ожидания, человек, общество, соборное единство, личные интересы

Одной из самых сложных проблем для читателя романа-эпопеи «Война и мир» Л. Н. Толстого является проблема гармоничного сочетания личного и общего. Рассуждая об объединяющем положительных героев романа патриотическом чувстве, нельзя не отметить, что большинство персонажей Толстого продолжают стремиться к личному счастью, отстаивают свои интересы. Еще С. Г. Бочаров отметил трудность построения художественной целостности «Войны и мира», указав на «несосредоточенность и несобранность» действия в произведении [2: 11]. Однако эта несосредоточенность и несобранность и есть важнейшие особенности реалистического художественного мира романа-эпопеи, события в котором как бы происходят сами собой, вне глобального плана, существующего у автора произведения, – только согласно движению жизни и сцеплениям человеческих судеб.

Осмысление романа-эпопеи «Война и мир» невозможно без учета огромного количества внутренних связей, анализа реализаций различных мотивов, очень много открывающих для понимания характеров и типов поведения тех или иных героев. Толстого, как и большинство русских писателей-реалистов, интересовал не только человек, его внутренний мир, но и многообразные связи отдельно взятых людей друг с другом и со всем человечеством. Так, С. А. Никольский отмечает, что замысел эпопеи Толстого, ее итог – «в установлении цели, к которой должен двигаться

русский мир. Цель эта – семейное единство нации...» [5: 110].

В «Войне и мире» поднимается важнейшая проблема личной заинтересованности человека в совершении того или иного события, волевого действия и роли личности в истории. С удивительным мастерством Толстой нивелирует значение личного интереса личности, когда дело идет о народе, о глобальном выборе, и актуализирует сознательный выбор героев, когда речь заходит о конкретном пути персонажа. Герой русского романа, несмотря на то, удачен его опыт или нет, не мыслит своей судьбы вне русской общественной жизни, вне судьбы страны. И тем не менее все русские писатели подчеркивали, что видение человека в роли пассивного исполнителя общественной воли, игрушки, маски с определенной ролью чуждо христианскому пониманию личности, веками хранимому и оберегаемому русским народом. Общая воля народа все-таки складывается и из отдельных желаний частных людей. Духовно-нравственные дороги различных героев романа-эпопеи «Война и мир», в особенности Андрея Болконского и Пьера Безухова, не столько показывают читателям отклонение человеческих путей от определенного идеала, сколько открывают в каждом отдельном случае необходимость специфической работы личности над собой. Здесь мы сталкиваемся с важнейшими вопросами человеческой деятельности, ее направления, способности героев

улавливать ритм жизни, чувствовать другого человека. Мотив ожидания в произведении способствует осознанию той гармонии между активностью и пассивностью, которой Толстой находит в «Войне и мире» удивительную меру. К мотиву ожидания в романе обратился Л. В. Карасев в статье «Толстой и мир» [3]. Однако автор статьи пытается, по нашему мнению, унифицировать смысл эпизодов романа-эпопеи и, в результате предпринятого им анализа «эмблематических картинок», приходит к слишком прямолинейным заключениям. Согласно выводам Л. В. Карасева, действие у Толстого связано со злом, а бездействие – с благом. Проблема в том, что, выбирая из романа-эпопеи отдельные картинки, анализируя их в отрыве от художественной целостности произведения, литературоведы не застрахованы от узкого, а потому и неверного понимания философии жизни Толстого. Разумеется, активное действие толстовских героев при рассмотрении мотива ожидания не может быть оценено исключительно как «зло», точнее, неспособность видеть целое. Как справедливо отметил Н. Я. Берковский, в русском романе «признается преобладание человека в мире, ценится его живая неповторимая индивидуальность» [1: 29]. Человек у русских писателей, благодаря особенностям русского реализма, предстает живым, действительным, воипостазированным. Герой русского романа отличается от других людей преимущественно тем, что он думает и делает в отношении других, а не тем, что он думает о себе. Эта особенность, характерная для христианина, является одной из самых важных в понимании человека в русской литературе.

Рассматривая произведения Толстого, особенно его предпереломные творения, по нашему мнению, уместнее обращаться к анализу мотивов, различные реализации которых как раз и позволяют читателю оценить жизнь не как застывшую картинку с вложенным в нее смыслом, а как движение (это ведь и толстовское определение). Идея движения, без которого невозможно самосовершенствование человека, всегда рассматривалась Толстым как одна из ключевых, а в 1898 году Толстой вообще назвал движение единственной формой развития:

Вчера думал о том, что форм мышления – категорий не 7, а четыре: причинности, материи, пространства, времени, а только одна: движение, включающее в себя все. Движение есть перемена места – стало быть пространство, перемена же места может быть скорее и медленнее – время, движение предшествующее – причина, последующее – следствие, то, что перемещается – материя. Все движение. Человек сам непрестанно движется, и потому все ему объясняется только движением¹.

Мотив ожидания в «Войне и мире» – это один из центральных мотивов, который организует развитие сюжета, обладает большой смысловой нагрузкой, способствует организации эпического времени и его течению. Примечательно, что ожидание словно нарастает по мере продви-

жения событий романа-эпопеи и приближения к 1812 году. Маленькая княгиня со страхом ждет срока наступления родов. Наташа Ростова договаривается с Борисом о том, что будет ждать его предложения 4 года. Множество лиц ждет смерти графа Кирилла Владимировича Безухова. Именины в доме Ростовых открываются ожиданием призыва к столу и приезда Марьи Дмитриевны. В Лысых Горах ожидают приезда князя Андрея. В Браунау 11 октября 1805 года пехотный полк ждет смотра главнокомандующего. И накануне Аустерлицкого сражения Кутузов говорит государю об ожидании, давая императору возможность понять свою тактику еще за несколько лет перед Бородинским сражением и своим будущим приказом к спасительному отступлению.

– Что же вы не начинаете, Михаил Ларионович? – поспешно обратился император Александр к Кутузову, в то же время учтиво взглянув на императора Франца.

– Я поджидаю, ваше величество, – отвечал Кутузов, почтительно наклоняясь вперед.

Император пригнул ухо, слегка нахмурясь и показывая, что он не расслышал.

– Поджидаю, ваше величество, – повторил Кутузов (князь Андрей заметил, что у Кутузова неестественно дрогнула верхняя губа, в то время, как он говорил это «поджидаю»...) (3: 498)².

Несмотря на то что ожидания эти очень разнообразны, не связаны между собой, читатель романа-эпопеи ожидает вместе с каждым из героев – ожидание накапливается и сгущается. Большинство положительных героев Толстого, особенно в начале романа, живут будущим, мечтами и надеждами: те, кто должен научиться жить настоящим, еще очень наивны и молоды. Некоторые персонажи, конечно, существуют и прошлым, как, к примеру, графиня Ростова, а эгоисты (семья Курагиных) – наслаждениями настоящим и заботой о преумножении своих богатств.

Одной из ключевых реализаций рассматриваемого мотива является ожидание Наташей конца назначенного срока в один год и возвращения Андрея Болконского, лечившегося за границей. Для Пьера Безухова поворотным моментом в жизни становится ожидание расстрела, для Андрея Болконского – ожидание смерти. И ведь Петя Ростов погибает потому, что нарушает приказ Долохова. «В объезд! Пехоту подождать!» – кричит Долохов, отдавая команду, созвучную действиям всей русской армии и тактике Кутузова.

Подождать?.. Ураааа!.. – закричал Петя и, не медля ни одной минуты, поскакал к тому месту, откуда слышались выстрелы и где гуще был пороховой дым (6: 161).

Толстой в «Войне и мире» дает нам почувствовать ожидание народом настоящего освобождения. Причем писатель не только «возвращается к проблемам прошлого»: роман-эпопея написан после реформы 1861 года, но ведь сама реформа, как и последовавшие за ней преобразования и изменения, оказались половинчатыми. Именно мотив ожидания позволяет осознать

смысл настоящего, полноценного существования у Толстого, которое заключается в одновременном утверждении двух, на первый взгляд, взаимоисключающих положений: жить настоящим и жить ожиданием лучшего. Здесь Толстой, великолепный психолог, несомненно, опирается и на открытия А. С. Пушкина:

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.
Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдет;
Что пройдет, то будет мило³.

«Не тужи, дружок: час терпеть, а век жить!» (6: 50) – говорил Пьеру Платон Каратаев. Что значит «час» для Каратаева? В это слово вложено несколько смыслов, актуализация которых зависит от степени оптимизма говорящего и его взгляда на жизнь. «Час» – это и время, необходимое для восстановления мира и выдворения французов с русской земли, и период службы Каратаева, и все существование его, противопоставленное в этом случае жизни в ином, горнем мире. Но лучшие толстовские герои-дворяне живут, скорее, по другой русской пословице: «Век жить, век ждать». И «ждать» для них означает не принимать приходящее, а самим строить жизнь. Дело в том, что большинство положительных толстовских героев, даже Наташа Ростова, живая и непосредственная, неспособная к прогнозам и анализу, нацелены на совершенствование себя и мира. М. М. Пришвин отметил:

Произведения Толстого стремятся к правде. Каждая строчка Толстого выражает уверенность, что правда живет среди нас и может быть художественно найдена...⁴

И творения Толстого только потому стремятся к правде, что ее ищут положительные герои писателя, во многом живущие процессом поиска, но не останавливающиеся на достигнутом.

Мотив ожидания позволяет оценить соотношение сил, руководящих движением жизни и событиями. В первую очередь, в художественном мире романа герои ожидают осуществления того, что определено Провидением. Но писатель не только изображает отличие народа от толпы, он еще и показывает, как народ, становящийся в ответственные моменты проводником Высшей воли, может превратиться в толпу. Русский народ ожидал наступления армии Наполеона, а после – конца войны. Однако есть и другое, тупое, рабское ожидание, которое показывает автор. Петя Ростов вместе с толпой стоит перед дворцом и, завидуя сановникам, ожидает чего-то. Под балконом, с которого государь начинает сбрасывать бисквиты, начинается давка – и смешно, и иронично показана Толстым сцена борьбы Пети со старушкой за кусок бисквита. Но люди не замечают своего положения: «“Вот я говорил, что еще подождать – так и вышло”, – с разных сто-

рон радостно говорили в народе» (5: 96). Кроме того, герои романа-эпопеи ждут решительных действий друг от друга. С иронией пишет Толстой о том, как «что-то постоянно ожидается» от получившего наследство пассивного Пьера (3: 404). Князь Андрей в глазах жены читает упрек в отсутствии любой поддержки: «Я от тебя ждала помощи, и ничего, ничего, и ты тоже!» (4: 43), а после, на балу, в замирающем выражении лица Наташи и ее счастливой улыбке признание: «Давно я ждала тебя» (4: 210).

Мотив ожидания очень ярко иллюстрирует факт слияния отдельных волей, чувств в одно целое – речь идет о патриотическом подъеме русского народа. Однако при этом другие реализации указанного мотива позволяют нам понять самые сокровенные думы, чаяния героев «Войны и мира». Ожидает каждый по-своему, чего-то особенного, а совпадающие, сонаправленные, сливающиеся ожидания людей не скрадывают надежд отдельных личностей.

Путь Андрея Болконского, как и путь Пьера Безухова, открывают попытки найти свое счастье. Читателю ясна причина «сердитого крика» Пьера, когда он говорит Андрею о любви к нему Наташи – сам Безухов влюблен в Ростову. Однако почему же Пьер почти не возражает Болконскому, когда тот «резко кричит» о своем состоянии после происшествия с Анатоном Курагиным? Ведь Пьер знает, что Наташа любит Андрея, и как никто другой способен переубедить своего лучшего друга хотя бы попробовать поговорить с ним (Пьер заезжает к Андрею до визита к Ростовым и выступает лишь послом). Но после разговора с Наташей Пьер забывает обо всем, в том числе и о князе Андрее: «Все люди казались так жалки, так бедны в сравнении с тем чувством умиления и любви, которое он испытывал...» (4: 384). Конечно, этот эгоизм Пьера несопоставим с эгоизмом Элен или любого представителя семьи Курагиных, но он в нем неискореним.

При анализе романа необходимо учитывать, что Пьер, в отличие от Андрея Болконского, не ответственный за свою семью. Болконский, особенно после перелома на поле Аустерлица, думает об отце, сестре, сыне. Андрей решает отложить свадьбу с Наташей на год, поступая как сын, уважающий волю отца. Об особой семейной психологии Николая Ростова и Андрея Болконского, а также героинь Толстого писал еще Н. Н. Страхов:

Юноши, как Николай Ростов, Андрей Болконский, живут и своей особой, лично жизнью, честолюбием, кутежом, любовью и пр., они часто и надолго отрываются от дома своего службою и занятиями, но дом, отец, семья – составляет для них святыню и поглощает лучшую половину их дум и чувств [8].

На фоне изображенных семейных героев особенно заметно, что Пьер лишен поддержки со стороны близких. Однако, предоставленный сам себе, Безухов намного более свободен, нежели Болконский. Неоднократно исследователи

творчества Толстого отмечали, что уже в «Войне и мире» тема семейная ярко видна при общем главенстве темы народной. Платон Каратаев, являющийся олицетворением всего доброго, круглого в русском народе, при первой встрече не случайно интересуется у Пьера, есть ли у него родные: «И хозяйка есть? А старики родители живы?» (6: 51). По рассказу Платона можно предположить, что в плену, да и на протяжении всей службы в армии его поддерживали счастье и благополучие его семьи: родителей, братьев, а радость самого Платона каждому человеку, всем окружающим уже второстепенна.

Вряд ли можно согласиться с Ю. В. Прокопчук в том, что

антиличностные тенденции «Войны и мира» больше выражаются в отрицании личного начала, нежели в изложении какого-то положительного идеала, основанного на безличной теории [7: 341].

Наоборот, в годы создания «Войны и мира» философские размышления Толстого направлены на поиск места человека как единицы в общем движении и оценке его сил, его значимости.

Позитивной задачей философии истории Толстого было обнаружение реального двигателя или причины событий, и ответ на этот вопрос, по Толстому, состоял, во-первых, в том, что каждый участник события вызывает это событие,

– отмечает Д. Т. Орвин [6: 133].

И в целом «Война и мир» – это не философское сочинение, не история войны, а книга о людях, о судьбах народных. Согласно мнению автора романа-эпопеи, человеком руководит стремление к личному счастью и «надо верить в возможность счастья, чтобы быть счастливым» (4: 219).

В русском языке и русском сознании ожидание (особенно если это ожидание неизвестного) связано преимущественно с надеждой на положительное, с верой в Божественную помощь. Ждать у В. И. Даля – «быть в ожидании чего-то, чаять, надеяться...», а надеяние (надежда) – «упование...; опора, прибежище, приют; отсутствие отчаянья, верящее выжиданье и призыванье желаемого, лучшего; вера в помощь, пособие»⁵.

Роман-эпопея «Война и мир» проникнут надеждой героев, но все произведение словно подтверждает мудрую пословицу: «На Бога надейся, а сам не плошай». Толстой показывает не только процесс становления человека, но изображает борьбу персонажей за свои планы и желания. По мнению автора, особенно ценна вера, добытая трудом и ошибками, а чудо уже происходит из этой найденной личной веры человека. Активная деятельность (а не созерцание) выводит лучших героев Толстого из тупика жизни, способствует непрекращающемуся поиску, что особенно важно в рамках романа-эпопеи:

Как ни тяжело было княжне Марье выйти из того мира уединенного созерцания, в котором она жила до

сих пор <...> – заботы жизни требовали ее участия, и она невольно отдалась им (6: 185).

Читатель из воспоминаний Николая Ростова узнает, как детьми они с Наташей молились, чтобы снег во дворе стал сахаром, и выбегали во двор пробовать снег. Эту детскую веру сохраняют Николай и Наташа до конца романа, пронесут ее по жизни. Очень важно, что горячая молитва Николая в мирное время разрешает его ожидания и осуществляет надежды, давая «величайшее счастье». В своей способности внезапного пробуждения детской веры, которая, вероятно, хранится в сердце не рассуждающего, но доброго Николая Ростова, он похож на Константина Левина из «Анны Карениной». После страстной молитвы именно на Ростова выбегает старый, матерый волк. И оказываясь в запутанной ситуации, между любовью к Соне и Марье Болконской, Николай начинает молиться, желая верить своей детской верой: «Боже мой! Выведи меня из этого ужасного, безвыходного положения!» (6: 31).

Лучшие герои Толстого не способны к покорности и самоотвержению, и даже те, кто волею судьбы вынужден забывать о себе, как, к примеру, княжна Марья в доме отца, выглядят «живущими поневоле». Вера и религиозность княжны Марьи предстают перед читателями как рожденные безысходностью ее положения. Не случайно Толстой не раз говорит в романе о двух мирах – мире уединенного созерцания и мире житейской, трудной и свободной деятельности. Постоянное пребывание в первом из них, по мнению автора, не может не отразиться пагубно на человеке. Полное погружение в мир молитвы, устранение от общества (для большинства людей) благотворно, как показывает автор «Войны и мира», лишь в определенные периоды жизни. Но и деятельность личности должна быть разумной – избыточная активность нередко является показателем силы личности, способной трансформироваться в авторитарность. «...Он слишком деятельного характера. Он страшен своею привычкой к неограниченной власти и теперь этой властью... (4: 118)», – говорит о старом князе Андрей Болконский. Толстой показывает, как личность, нарушающая меру предприимчивости и инициативности, оказывается в оппозиции с народным миром и, не вынося трудности, гибнет.

Лучшие герои Толстого не могут быть бездеятельными, активные в меру, они поступками и решениями рушат свое счастье или, наоборот, создают его. Старая графиня Ростова чувствует, что «чего-то слишком много в Наташе и что от этого она не будет счастлива» (4: 288). Уж так утроены толстовские персонажи, что постоянно находят себе все новые стремления и не обретают покоя. Ю. В. Лебедев кратко и метко указал причину увлечения Наташи Анатоном Курагиным:

Свободный инстинкт Наташи переступает грани нравственного чувства и смыкается на мгновение с эгоизмом Курагина [4: 314].

Для осмысления характеров героев и не обретающей покоя Наташи уместно вспомнить и описание сыновей Курагиных, данное их отцом, князем Василием: «Ипполит, по крайней мере, покойный дурак, а Анатолий – беспокойный» (3: 161).

Умение жить настоящим открывается лишь некоторым героям Толстого, уже прошедшим значительный жизненный путь и, как Константин Левин в романе «Анна Каренина», открывшим тайну, «важную и невыразимую словами». В эпилоге Толстой обращает внимание читателей на ту работу, которая протекает в душах его героинь – Наташи и Марьи. Особенным способом, как отмечает автор, эти женщины понимают своих мужей, уясняют их мысли. Толстой показывает, как Наташа и Марья живут настоящим, не торопя время, не опережая события.

Примечательно, что стремящаяся к совершенству, к вечному графиня Марья в финале романа пытается соединить для себя земное и небесное, степень своей созерцательной любви распространить на близких. Она обещает себе

исправиться и сделать невозможное – то есть в этой жизни любить и своего мужа, и детей, и Николеньку, и всех близких так, как Христос любил человечество (6: 308).

Изменяясь сами, центральные герои Толстого не могут остаться равнодушными к злу, несовершенствам окружающего мира. Однако залогом жизни вне отчаяния для Николая и Марьи, Пьера и Наташи оказывается способность сопрягать созерцание со свободной деятельностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: Худ. лит., 1953. Т. 53. С. 195.
- ² Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 12 т. М.: Правда, 1984–1987. Далее в круглых скобках через двоеточие будет указан том и страница.
- ³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л.: Наука, 1976–1979. Т. 2. С. 239.
- ⁴ Пришвин М. М. Собр. соч.: В 8 т. Дневники. М.: Худ. лит., 1986. Т. 8. С. 196.
- ⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб.: Диамант, 1996. Т. 1. С. 529; Т. 2. С. 412.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берковский Н. Я. О мировом значении русской литературы. Л.: Наука, 1975. 184 с.
2. Бочаров С. Г. Роман Л. Толстого «Война и мир». М.: Худ. лит., 1987. 156 с.
3. Карасев Л. В. Толстой и мир // Вопросы философии. 2001. № 1. С. 33–54.
4. Лебедев Ю. В. История русской литературы XIX века: В 3 ч. Ч. 3. М.: Просвещение, 2008. 479 с.
5. Никольский С. А. Смыслы и ценности русского мировоззрения в творчестве Л. Н. Толстого // Л. Н. Толстой в движении эпох: В 2 ч. Ч. II. Тула: Власть, 2011. С. 103–117.
6. Орвин Д. Т. Искусство и мысль Толстого. 1847–1880 / Пер с англ. А. Г. Гродецкой. СПб: Академический проект, 2006. 304 с.
7. Прокопчук Ю. В. Сущность толстовского имперсонализма // Толстовский ежегодник 2003. Тула: Дизайн-Коллегия, 2005. С. 337–350.
8. Страхов Н. Н. Литературная критика. М.: Современник, 1984. 431 с.

Andreeva V. G., Kostroma State University (Kostroma, Russian Federation)

PERSONAL INTERESTS OF HEROES AND THE MOTIF OF EXPECTATION IN LEO TOLSTOY'S EPIC NOVEL *WAR AND PEACE*

In this article, the author addresses a problem of combining the personal and the common in Leo Tolstoy's epic novel *War and Peace* and also traces how in this work the interests of individuals are combined with public life. V. G. Andreeva proves that the external opposition between celebrities and ordinary people is enhanced by the epic novel reflections on the Christian behavior of people, their roles and places in the spiritual unity. Tolstoy's artistic world is filled with duality and diversity that exist in real life, thanks to unfocused and unconcentrated action. V. G. Andreeva is convinced that the writer achieves a surprising balance between activity and passivity of the person in his epic novel, in particular by means of the motif of expectation, which organizes the plot development, conveys deep meaning, and contributes to the organization of epic time and its current. *War and Peace* raises an extremely important problem of personal interest in the occurrence of this or that event, a strong-willed action and the role of personality in history. Tolstoy masterfully levels down the value of personal interest when he writes about the people and the global choice, and brings the conscious choice of heroes into focus when it comes to a character's specific path. The best heroes of Tolstoy are not capable to humility and self-rejection, and even those who are forced by the fate to forget themselves look as if they "live against their own will".

Key words: Tolstoy, epic novel, motive of expectation, people, society, cathedral unity, personal interests

REFERENCES

1. Berkovskij N. Ya. The global value of Russian literature. Leningrad, 1975. 184 p. (In Russ.)
2. Bocharov S. G. Leo Tolstoy's novel *War and Peace*. Moscow, 1987. 156 p. (In Russ.)
3. Karasev L. V. Tolstoy and the world. *Philosophy questions*. 2001. No 1. P. 33–54. (In Russ.)
4. Lebedev Yu. V. History of Russian literature of the 19th century. In 3 parts. Part 3. Moscow, 2008. 479 p. (In Russ.)
5. Nikol'skij S. A. Meanings and values of the Russian worldview in L. N. Tolstoy's works. *L. N. Tolstoy in the movement of epochs*. In 2 parts. Part 2. Tula, 2011. P. 103–117. (In Russ.)
6. Orvin D. T. Art and Tolstoy's thought. 1847–1880. St. Petersburg, 2006. 304 p. (In Russ.)
7. Prokopchuk Yu. V. The essence of Tolstoy's impersonalism. *Annals of Tolstoy research*. 2003. Tula, 2005. P. 337–350. (In Russ.)
8. Strahov N. N. Literary criticism. Moscow, 1984. 431 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 19.10.2018